Мария Ануфриева

Черная рука

Часть сборника
Трава была зеленее, или
Писатели о своем детстве

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Второклассники сидели верхом на турниках в школьном дворе и рассказывали страшилки.

– И тогда черная рука сказала: «Отдай свое сердце!» – мрачно закончил Вовка и обвел всех взглядом.

– Чем она сказала, неужели у нее еще и рот был? – спросила я…»

- Мария Ануфриева
  - ◯

Мария Ануфриева
Черная рука

Второклассники сидели верхом на турниках в школьном дворе и рассказывали страшилки.

– И тогда черная рука сказала: «Отдай свое сердце!» – мрачно закончил Вовка и обвел всех взглядом.

– Чем она сказала, неужели у нее еще и рот был? – спросила я.

Не потому, что сомневалась в услышанном – ясно, что если черная рука сумела пробраться через весь город к маленькой девочке, оставшейся дома без родителей, то и произнести страшные слова ей труда не составило, – а просто чтобы нарушить молчание…

– Был, – серьезно ответил Вовка. – Им она и выпила всю кровь. Когда мама вернулась домой, она пошла в комнату дочери и нашла там ее. Мертвую.

Посидели еще немного. Продленка закончилась, а идти домой не хотелось. Вроде и не поздно, но уже темно. Декабрь.

– Ну, я пошла, – сказала отличница Катька. Она все всегда делала первая. Ей хорошо: брат старший дома – вон окна светятся.

Мы с Вовкой и братьями-близнецами Лебедевыми жили в одном подъезде: он на девятом, я на восьмом, братья – на четвертом этаже. Родители у всех возвращались поздно: пока работу закончат, пока втиснутся в единственный автобус, ездивший из центра к окраинным многоэтажкам.

У подъезда потоптались. Обычно сначала мы играли у Лебедевых, потом поднимались ко мне, а уж после шли к Вовке. Если уроки на продленке не доделаны, списывали у Вовки, потом шли ко мне, затем спускались к Лебедевым. А иногда сразу отправлялись по домам, но сегодня черным-черным вечером был явно не тот случай.

– Пойдем к нам в мушкетеров играть, – предложил Лебедев-первый.

– Достанем прошлогодние новогодние костюмы и шпаги, – поддержал Лебедев-второй.

– Так костюма всего два, – засомневался Вовка.

– Я буду Миледи, – поспешила согласиться я. – А ты – Кардинал, мы на тебя красную накидку наденем.

– У нас нет красной накидки, – сказали Лебедевы, первый и второй.

– Надену, какая есть, – согласился Вовка.

Сложив портфели и мешки со сменкой у дверей, мы с Вовкой подождали, пока братья облачатся в прошлогодние костюмы.

– Лучше ты Констанцией будешь, – критически оглядел меня Вовка. – Служанкой. Миледи в белом переднике не ходила.

Я не спорила, потому что могла играть хоть Портоса, лишь бы не идти одной в свою черную-черную квартиру. Лебедевым тоже хорошо – их двое, а Вовка вечно юморит и ничего не боится. На Восьмое марта он подарил мне красивую расписную шкатулку на замочке с сюрпризом. Открываешь, а оттуда на пружине чертик в тельняшке выскакивает и музыка играет. Смастерил вместе с отцом по мотивам «Бриллиантовой руки».

Вместе с картонными шпагами братья притащили в коридор арбалет и стрелы на присосках, пистолеты, пластмассовый меч и автомат, вяло стрелявший очередями из-за подсевших батареек.

Вовку облачили в покрывало леопардовой расцветки, вполне бы сгодившееся на платье Миледи. Он путался в нем, хоть и завязал на груди узлом, и два раза запнулся, а на третий упал. Я сидела на кровати Лебедева-первого и изображала Констанцию: томно бродила взглядом по политической карте мира над кроватью Лебедева-второго и вздыхала, соображая, что родители приедут часа через полтора, не раньше.

Братья и Вовка, игравший за все войска кардинала в одном лице, носились по коридору. Изредка они забегали в комнату проведать укрывшуюся в монастыре Констанцию, а я махала им рукой, показывая, что меня еще не отравили.

Споткнувшись в очередной раз, Вовка заорал:

– Я так не играю. Мне нужна короткая красная мантия.

Братья залезли в платяной шкаф, но нашли только материн махровый красный халат, от которого «кардинал» с достоинством отказался.

– Констанция, оставь портфель и притащи красную накидку с кресла, которое у тебя в большой комнате стоит, – распорядился он.

Я слезла с кровати, но исполнять поручение не спешила.

– Что-то ключи не могу найти, – попыталась соврать я, шаря рукой в портфеле.

– Ты что, боишься? – тут же раскусил меня кардинал-Вовка. – Трусиха!

– Сам – трус, – огрызнулась я и натянула пальто. – Сейчас принесу!

Пока ехала в лифте, успокаивала себя тем, что надо всего-то открыть дверь, включить свет в прихожей, забежать в комнату, схватить накидку с кресла и выбежать обратно. Правда, еще

остается страшный черный-черный коридор в глубь квартиры, но в него я даже не посмотрю.

Повернув ключ в замке, я распахнула дверь и, вместо того чтобы включить свет, замерла на пороге. Вдруг в глубине квартиры, кажется, в моей комнате, что-то отчетливо лязгнуло: коротко и громко. Смолкло.

Бесшумно прикрыв дверь, забыв про лифт, я помчалась вниз к Лебедевым, перепрыгивая через три ступеньки.

– Что случилось, Констанция? – спросил Вовка.

– У меня в квартире воры!

– Ты их видела?

– Нет, но они там шумят, пилят что-то.

– Замок был сломан?

– Нет… Цел.

– А с чего ты взяла, что это воры… – протянул Лебедев-второй.

И тут же всем стало ясно, что никакие это не воры.

– Черная рука, – догадался Лебедев-первый и быстро запер за мной дверь.

– Теперь у меня квартира открыта, – ныла я. – От родителей попадет. Может, это и не черная рука? Пойдем все вместе, а? Мы только послушаем и дверь закроем. Если это воры, то они уже убежали.

– Пошли, – решительно сказал Вовка и сдернул с себя леопардовое покрывало. – Никаких черных рук не бывает. Это все выдумки.

– Давайте лучше у нас посидим, родителей подождем, – в один голос предложили братья, но Вовка уже сунул в руки мушкетерам по пистолету, а сам взял арбалет и пару стрел.

У дверей моей квартиры прислушались – тихо. Приоткрыли дверь – тихо. Друг за другом протиснулись в прихожую и замерли. Вдруг тишину прорезал короткий и отчетливый металлический скрежет. Сомнений не было – он шел из глубины черной-черной квартиры.

– Мама, – сказала я неожиданным басом и повернула к выходу, наткнувшись в темноте на Вовку.

– Мама! – прошептал он и тоже ринулся в двери.

– Мама! – братья уже бежали вниз по лестнице.

Мелькали ступеньки. Мы неслись вниз, и вытянувшаяся через рукав варежка на резинке хлопала меня по правой ноге, а мне казалось, что это черная рука летит следом и вот-вот схватит.

Добежав до дверей квартиры на четвертом этаже, ввалились в нее одновременно и долго не могли отдышаться. Когда опасность миновала, стало ясно, что оружие мы побросали на месте

несостоявшегося боя с нечистой силой, а Вовка еще и выронил ключи от своей квартиры, которые захватил на всякий случай, потому что до него бежать ближе.

– Мы октябрята. На следующий год нас примут в пионеры, – начал Вовка. – Если в школе узнают, что мы испугались черной руки и не смогли попасть к себе домой, не видать нам пионерских галстуков. Да над нами каждый первоклассник смеяться будет!

– А если она задушит? – резонно заметил Лебедев-первый.

– Всех не передушит! – возвысил голос Вовка. – Несите ножи, скалку, все, что есть!

Лебедев-первый ринулся на кухню, Лебедев-второй к стенному шкафу с отцовским инструментом. В результате мы оказались вооружены: тремя молотками, массивной деревянной разделочной доской, широким ножом для рубки мяса и длинным шилом.

Поднимались пешком, чтобы не спугнуть врага шумом лифта. Когда мне было очень страшно, например по пути в поликлинику к зубному врачу, я вспоминала известных героев. Вот и сейчас за четыре этажа вверх успела привести себе в пример летчика Маресьева, которому отрезали ноги, повешенную фашистами после пыток ледяной водой Зою Космодемьянскую и, конечно, героев «Молодой гвардии».

Перед дверью квартиры выстроились: Вовка первый, за ним я, замыкали отряд братья, стоявшие плечом к плечу.

– Если на нас нападут, я буду резать, а ты прихлопывай, – он вытянул вперед нож, я сжала в руке доску.

Включили свет в прихожей. По черному-черному коридору двинулись к дальним комнатам: свет в нем включался в самом конце. Словно приветствуя нас, вновь раздался лязг и мерные удары, будто кто-то точит ножи. Все громче и громче.

Звук шел из моей комнаты.

– Кто там? – срывающимся голосом крикнула я.

– Выходи, мы уже милицию вызвали! – гаркнул Вовка.

– И родители на лифте поднимаются, – громко добавили Лебедевы.

Шум прекратился, но тут же раздался с новой силой: лязг-бамц, лязг-бамц.

– Если это не черная рука, то глухой вор, – прошептал за спиной Лебедев-первый.

Обмирая от страха, мы гурьбой ввалились в комнату, как бременские музыканты в логово разбойников, и врубили свет. Никого не было.

Лязг-бамц – раздалось из угла, в котором стоял пластиковый аквариум с хомяком.

Клочки газет, обычно устилавшие дно, хомяк сгреб в один угол и, сидя на железном поддоне, яростно поддевал зубами и опускал на него пустую железную крышку из-под детского питания, служившую поилкой. Газеты и поддон оказались сухими. Это значит, оставленную на день воду он разлил еще утром при благоустройстве территории и, совершенно озверев от жажды к вечеру, отчаянно подавал сигналы sos в пустой квартире.

– Вот тебе и черная рука, – хихикнули оба Лебедева.

– Это не черная рука, а «живая шляпа», – заметил Вовка.

В это время дверь в прихожей хлопнула.

– Мама! – подпрыгнули мы.

– Это папа! – раздался знакомый голос. – А что это у вас дверь нараспашку и пистолеты на полу валяются?

– Да мы в мушкетеров играем! – ответил за всех Вовка.